

Борис Мещеряков разместил в ФБ новый перевод стихотворения Ван Вэя.

Вот оригинал:

竹里馆
作者：王维

独坐幽篁里，弹琴复长啸。
深林人不知，明月来相照。

А вот перевод:

ВАН ВЭЙ (701 — 761)
ПРИЮТ СРЕДИ БАМБУКОВ

Перевод: Мещеряков Б.И.

Сижу один / в бамбуковой глуши
И вторю свистом / циневой струне.
В густом лесу / не знает ни души,
Что посветить / луна придёт ко мне.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

① Это стихотворение — одно из 20-ти, написанных Ван Вэем в самом конце жизни в своём небольшом сельском имении <у реки> Ванчуань, расположенном в укромной долине в 60-ти км на юго-восток от танской столицы — г. Чанъяня. Название «Приют среди бамбуков» (кит. 竹里馆) носило одно из возведённых Ван Вэем в усадьбе строений. Первая строка комментируемого четверостишия взята автором из поэмы великого Цюй Юаня (ок. 340 г. — 278 г. до н.э.) «Дух горы», начало которой гласит: «Сидя в одиночестве среди густых бамбуков, / <я> не вижу неба...»; а в конце сказано: «... с_в_и_с_т_и_т ветер, / вздыхают деревья, / <я> думаю о вас: / О, как напрасна эта печаль!» Последняя строка четверостишия Ван Вэя использует интонации знаменитого стихотворения Ли Бо «Под луной одиноко пью» (кит. 月下独酌). Это стихотворение (1-е в цикле из 4-х) было написано Ли Бо в 744 году в ночь накануне отъезда из Чанъяня. Больше в столицу «бессмертный гений поэзии» (кит. 诗仙) не возвращался. Это стихотворение Ли Бо в моём переводе появится полностью в следующем «китайском» post'e на ленте Facebook'a.

② ... свистом вторю — считается, что даосские отшельники владели особым искусством свиста, посредством которого они общались с духами природы. Хотя стоящие в оригинале знаки «长啸, чан2сяо4, свистеть» могут также означать и «протяжно распевать (стихи, песни), декламировать нараспев», переводчик, исходя из материалов комментария (см.

①), предпочёл значение «свистеть».

③ ... циневой струне — цинь (кит. 琴) — разновидность 5- или 7-струнной китайской цитры.

Меня смутило выражение «не знает ни души, что». Не уверен, что по-русски так можно сказать вместо «не знает никто, что». На это Мещеряков ответил, что, по его мнению, так можно, в наше время поэты себе ещё и не то позволяют. Это верно, хотя опять же не уверен, что подобное позволительно для переводов классических китайских стихотворений. Ну, да ладно.

С этим стихотворением вообще связан целый ряд проблем, обычных для перевода китайской классической поэзии. Оказалось, что существует (по крайней мере) 11 переводов 10 переводчиков (на сайте «Китайская поэзия» <https://chinese-poetry.ru>), перевод Мещерякова 12-й, а сам он 11-й.

Ниже даны все 12 переводов 11 переводчиков. Поскольку мне лень было устанавливать годы создания этих переводов (не уверен, что это возможно сделать для всех переводов), я их упорядочил по годам рождения переводчиков.

1-я проблема такая: во что превращается строка оригинала, содержащая ровно и всего-то 5 иероглифов? Начиная с академика Алексеева чаще всего такая строка превращается в переводе в две строки, иногда с отступом второй строки (или первой — у Штейнберга). У Стручалиной хоть и 4 строки, как в оригинале, но зато они необычно длинные. У большинства не 4, а 8 строк. Ровно 4 нормальные строки только у Перелешина, Торопцева, Матвеева и Мещерякова.

2-я проблема связана с 1-й. Из-за удвоения (или удлинения) строк, понятное дело, появляется «много букв», чтобы соблюсти размер вставляются слова, которых в оригинале нет от слова «совсем». Например, у Гитовича слово «ночь» в первых двух строках, которой в соответствующей первой оригинала нет, хотя можно догадываться, что ночь, поскольку в оригинале есть луна в 4-й строке. У Стручалиной непонятно откуда появляется «птаха ночной» — разве что из-за свиста, который, наверное, может означать свист птиц, но это уж больно натянуто. Как писал по другому случаю академик Алексеев, некоторые переводчики невольно «оказались большими китайцами, чем сами китайцы, упорно стараясь договорить то, чего китаец не сказал».

3-я проблема — рифма. Это, можно сказать, традиционный камень преткновения и предмет дискуссии. Китайская классическая поэзия рифмована. Но многие переводчики (например, Эйдлин) принципиально жертвуют рифмой ради точности передачи смысла. Здесь рифмой пожертвовал Алексеев (если не считать слабую рифму свищу-никому), схема рифмовки -АА-. У Щуцкого аналогично сижу-засвищу, но ещё и я-меня, тоже не бог весть что. Гитович всё же и сам поэт, у него рифмы получше: свою-пою и луна-она/одна. У обоих схема ААВВ. У Штейнберга: пою-краю, тьму-ему по схеме АВАВ, но с натяжкой это можно считать и монорифмой,

что уже интересно. То же у Перелешина: моей-людей, лесной-мною — АВАВ и всё кончается на «й». То же у Торопцева: тиши-души, струна-луна, АВАВ. То же у Мещерякова: глуши-души, струне-мне, АВАВ. У Меньшикова, как и у Алексеева, только одна рифма свистом-лучистый, зато хорошая, по схеме -А-А. Аналогично у Мазепуса тишине-мне. То же у Стручалиной свой-одной, -А-А или (с натяжкой) ещё и бамбук-найдут, АВАВ.

4-я проблема — личные местоимения. Ну, вот хоть убей, нет у Ван Вэя местоимения «я». А в переводах оно есть даже у Алексеева. Конечно, следует признать, что русская грамматика, в отличие от китайской, просто требует этого «я». Но всё же переводчики стараются, как могут, без него обойтись, чтобы было ближе к китайскому оригиналу. Штейнберг оригинально ввёл «отшельника» вместо «я», чтобы потом сказать «ему». У Мазепуса и Мещерякова нет «я», но есть «мне». У Стручалиной тоже нет «я», но неожиданно появляется «ты». И только у Матвеева ничего такого нет, если не считать глаголов, которые даны всё же не в инфинитиве (это было бы точнее всего, хотя, наверное, не вполне по-русски), а от первого лица (сизу).

5-я проблема — что делает герой: свистит или поёт — 长啸? Об этом пишет Мещеряков: можно и так, и так. Переводчики делают и так и так: у Алексеева, Щуцкого, Меньшикова, Мещерякова — свистит. У Гитовича, Марковой и Мазепуса — поёт. Причём у Мазепуса — ещё и громко. Тогда как у Торопцева — мурлычет, т.е. тихо. Штейнберг не стал заморачиваться и написал и то и другое: «Свищу, пою». У Перелешина почему-то «гул лесной» вместо песни или свиста. У Матвеева — рокот циня. У Стручалиной нараспев твердит стих, такое значение тоже есть у бинорма 长啸.

6-я проблема — это то, с чего я начал и что Мещеряков перевёл как «не знает ни души, что». Итак: кто чего не знает? У Алексеева «неведом я никому», т.е. никто не знает меня или (с небольшой натяжкой) никто не знает, что я в чаще. У Меньшикова этот последний вариант. Щуцкий точнее: никто не знает, что я созерцаю месяц. У Гитовича в одном варианте люди в лесу не знают, как восходит луна, а в другом варианте людям неведом приют мой. У Штейнберга безвестен людям уже упоминавшийся выше отшельник. У Торопцева и Матвеева речь о том, что в лесу никого нет. У Мазепуса неведома сама чаща, а у Стручалиной люди не найдут туда пути.

1. Перевод: Алексеев В.М. (1881-1951)

Академик, основоположник советского китаеведения, переводчик китайской классической литературы.

Сизу одиноко
в безлюдных, глухих бамбуках,

Бряцаю на лютне
и долго ей вслед свищу.
В лесу этом, в чаще
неведом я никому,
Лишь месяц один
приходит мне посветить.

2. Перевод: Шуцкий Ю.К. (1897-1938)

Российский филолог-востоковед, философ, переводчик. Перевёл «И цзин».
Ученик Алексеева. Репрессирован.

В бамбуках кругом – безлюдье.
Я совсем один сижу.
То играю я на лютне,
То протяжно засвищу.
Из людей никто не знает,
В глубине лесной, что я
Вставший месяц созерцаю,
Озаряющий меня.

3. Перевод: Гитович А.И. (1909-1966)

Русский поэт, переводчик китайской и корейской литературы.

В бамбуковой роще
Я ночь коротаю свою

И трогаю лютню,
И песни протяжно пою.

А люди в лесу
Не узнают, как всходит луна;

Взгляну на нее я -
И взглядом ответит она.

4. Другой вариант перевода у Гитовича.

В бамбуковой роще
Я ночь коротаю свою,
И трогаю лютню,
И песню протяжно пою.
И людям неведом приют мой,
И только луна

В бамбуковой роще
Меня навещает одна.

5. Перевод: Штейнберг А.А. (28.11.1907-1984)
Русский советский поэт, переводчик, художник.

В пустынной чаще бамбука
Свищу, пою.
На цине играю, тешу
Ночную тьму.
Безвестен людям отшельник
В лесном краю,
И только луна приходит
Светить ему.

6. Перевод: Перелешин В.Ф. (1913-1992)
Русский поэт, переводчик, журналист, мемуарист "первой волны"
эмиграции.

Один я в роще с лютнею моей, –
Ее рыданьям вторит гул лесной.
В густом лесу не встречу я людей,
Лишь ясный месяц светит надо мной.

7. Перевод: Меньшиков Л.Н. (1926-2005)
Советский и российский востоковед-китаист, переводчик.

Сижу одиноко,
укрывшись в бамбуковой чаще.
Дотронусь до цитры
и вторю протяжным ей свистом.
Я в темном лесу,
и никто не узнает об этом,
А против меня
поднимается месяц лучистый.

8. Перевод: Торопцев С.А. (1940-)
Советский и российский востоковед, киновед, переводчик. Ныне живёт в
Израиле.

Один в бамбуках я, в тиши,

Мурлычу, и бренчит струна,
В лесу не видно ни души,
Лишь я да ясная луна.

9. Перевод: Мазепус В.В. (1947-2006)

Физик-теоретик, музыковед, переводчик, композитор.

Сижу одиноко
в бамбуковой роще глухой.
Играю на цине,
громко пою в тишине.
В чащу лесную,
неведомую никому,
Лишь месяц порой
посветить заглянет ко мне...

10. Перевод: Матвеев А. В. (1951-)

Преподаватель, переводчик, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС.

Сам по себе в бамбуковой роще сижу.
Тронул струну – долго рокочет цинь.
Здесь в глубине зарослей нет никого,
Только пришла ясная в небе луна...

11. Перевод: Мещеряков Б.И. (1960-)

Российский переводчик, музыкант по образованию.

Сижу один / в бамбуковой глуши
И вторю свистом / циневой струне.
В густом лесу / не знает ни души,
Что посветить / луна придёт ко мне.

12. Перевод: Стручалина Г.В. (1979-)

Российский филолог-китаист, преподаватель, поэт и переводчик. НИУ «БелГУ», «Институт межкультурной коммуникации и международных отношений».

Ты один сидишь: сумерки, вокруг – чащи сонной тишь, молчалив бамбук...

Гладишь струны цинь; словно птах ночной, нараспев твердишь стих
протяжный свой...

Тёмен лес, глубоок; одиноч уют; и пути сюда люди не найдут.

Лишь придёт луна позднею порой, и глаза в глаза – только с ней одной.